

И.К. Богомолов

**ПУБЛИЧНЫЕ ЛЕКЦИИ И НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ
О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В МОСКОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ (1914 — ФЕВРАЛЬ 1917 г.)**

I.K. Bogomolov

**PUBLIC LECTURES AND READINGS
ABOUT THE FIRST WORLD WAR IN THE MOSCOW
PROVINCE (1914 — FEBRUARY 1917)**

Аннотация. Обостренное внимание российского общества к начавшейся в 1914 г. мировой войне побуждало преподавателей, ученых и общественных деятелей организовывать лекции для разъяснения причин и характера войны, ее хода и возможных последствий. Особенно активны были образовательные и общественные организации, органы самоуправления, прежде всего Московское общество народных университетов (МОНУ), уездная и городская управы. С началом войны процесс согласования лекций кардинально не изменился, так как Московская губерния не относилась к территориям «полной» военной цензуры. Тем не менее, губернатор и градоначальник были полномочны запретить любую лекцию, и обстоятельства военного времени стали для этого универсальным объяснением. Во второй половине 1914 г. без объяснения причин были запрещены все лекции о войне, подготовленные МОНУ. С 1915 г. подход властей стал более гибким: на фоне затягивания войны необходимо было активизировать провоенную пропаганду, и лекции могли быть в этом деле полезны. Кроме того, многие лекторы за первый год войны сумели «зареккомендовать» себя тем, что не выходили за рамки оговоренной программы и не касались вопросов внутренней политики. Наконец, лекции нередко разрешались, так как были частью благотворительных мероприятий. Однако на фоне послаблений сохранялась практика отказов, как и подозрительность властей к общественным организациям и общественным деятелям. Значимую роль играла военная цензура, с мнением которой московские власти считались при принятии решений о публичных лекциях на военные темы. Процесс согласования мог затянуться и закончиться противоречи-

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН
Bogomolov Igor Konstantinovich, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
+7-499-124-28-83; bogomolov@inion.ru

вым решением. Нередки были случаи, когда лекция разрешалась в одном населенном пункте, но потом запрещалась в другом. В целом количество лекций и народных чтений о войне не соответствовало запросам населения, а пустующее информационное пространство заполнялось слухами негативного характера, что стало одним из важнейших факторов приближения революции 1917 г.

Ключевые слова: народные чтения, Московское общество народных университетов, университет Шанявского, военная цензура, общественные настроения, благотворительные лекции.

Abstract. The sharpened attention of Russian society to the World War that broke out in 1914 prompted teachers, scholars and public figures to organize lectures and to explain the causes and nature of the war, its course and consequences. Educational and public organisations, self-government bodies, primarily the Moscow Society of People's Universities, district and city authorities, were particularly active. When the war began, the procedure of coordinating lectures did not radically change, since the Moscow province was not subject to full military censorship. Nevertheless, the provincial and city governors had the authority to prohibit any lecture, and the wartime circumstances provided a good excuse for it. In the second half of 1914, all lectures of Moscow Society of People's Universities about the war were banned without explanation. From 1915 onwards, the government's approach became more flexible: against the background of the protracted war, pro-war propaganda had to be intensified, and lectures could be useful in this regard. In addition, during the first year of the war many lecturers had managed to "prove themselves" by staying within the boundaries of a stipulated program and not touching upon issues of domestic politics. Finally, lectures were often permitted, because they were part of charity events. However, the practice of bans and suspicion of the authorities towards civic organisations and public figures continued amidst the loosening of certain restraints. When deciding on public lectures on military subjects, the Moscow authorities took into account the weighty opinion of the military censorship. The approval process could be protracted and end with a controversial decision. Quite often a lecture that was allowed in one place was banned in another. On the whole, the number of lectures and public readings about the war did not match the demands of the population, and the empty information space was filled with negative rumours, which became one of the most important factors in the 1917 revolution.

Keywords: public readings, Moscow Society of People's Universities, Shanavsky University, military censorship, public sentiment, charity lectures.

* * *

В дореволюционной России публичные лекции и народные чтения были распространенной и популярной формой просветительской деятельности. В последние годы их изучение значительно

активизировалось¹, однако в исследовательское поле практически не попадает период Первой мировой войны. Редкое исключение — статья Е.Ю. Семеновой о лекциях и народных чтениях в Поволжье в 1914–1918 гг.² Следует отметить повышенную значимость публичных выступлений для общественных настроений в военные годы³. Особой популярностью пользовались лекции о причинах и истоках войны, о государствах-участниках, об армиях противников и союзников России. Частично материал по Москве привлек Р.А. Фандо в недавно вышедшей монографии об истории Московского городского народного университета им Л.А. Шанявского⁴. Обращение к теме публичных лекций и народных чтений важно и для дальнейшего изучения общественных настроений в России накануне революции 1917 г. Интерес представляет и процесс их согласования с местными властями, количество посетителей, детали организации мероприятий (место проведения, плата за вход и др.). В данной статье рассматриваются лекции и чтения в Москве и Московской губернии — одном из крупнейших центров образования в Российской империи. Источниковой базой послужили документы канцелярии московского губернатора и градоначальника (фонды 17 и 46 Центрального государственного архива г. Москвы). Так как процесс согласования и тематика лекций кардинально изменились после Февральской революции, исследование ограничивается периодом с июля 1914 г. по февраль 1917 г.

Одним из результатов Первой русской революции стало значительное смягчение правил по организации публичных лекций и народных чтений. Согласно высочайше утвержденным 12 октября 1905 г. правилам о публичных собраниях, установился явочный порядок их организации. Желающий подать заявку на проведение публичной лекции или чтения должен был обратиться к начальнику местной полиции, градоначальнику, обер-полицмейстеру, полицмейстеру, исправнику или «соответствующему ему должностному

¹ См., например: *Агафонова Я.* Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 2(156). С. 77–93; *Рушанин В.Я.* Народные чтения на Урале в конце XIX — начале XX в. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 3(27). С. 90–94; *Левченко О.Ю.* Народные чтения как форма внешкольного образования в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 4(36). С. 185–190.

² *Семенова Е.Ю.* Лекции и народные чтения в информационном пространстве поволжского города в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 г.) // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2012. № 3. С. 38–44.

³ Великая Российская революция 1917 г. в судьбах стран и народов мира. Владивосток, 2018. С. 297.

⁴ *Фандо Р.А.* Университет им. А. Л. Шанявского на фоне смены эпох. М., 2018.

лицу»⁵. Мировая война поначалу не внесла в этот порядок существенных изменений. «Временное положение о военной цензуре» предусматривало предварительный просмотр цензорами конспектов речей и докладов, произнесенных на театре военных действий, к которому Московская губерния (в отличие, например, от Петербургской) не относилась. При этом «Перечень сведений и изображений, не подлежащих оглашению и распространению» касался и всевозможных публичных выступлений⁶.

С началом войны в Москве и Московской губернии сохранился уведомительный порядок организации лекций и чтений. Прошения об их разрешении обычно подавались на имя московского губернатора, либо, если лекция проходила в Москве, — на имя московского градоначальника. Просителями выступали как частные лица, так и организации. В прошении указывалось название лекции, имя лектора, место и время проведения, цена билета. Изначально был установлен контроль над содержанием и ходом лекций. Получив прошение, канцелярия губернатора или градоначальника направляла запросы уездному исправнику и в Московское охранное отделение по поводу «благонадежности» лектора. В июле–сентябре 1914 г. процесс согласований был относительно быстрым и менее строгим. Так, 9 августа⁷ поступило прошение разрешить лекцию П.В. Пирогова «Славянский вопрос в наши дни» на станции Салтыковка, в театре «Лиры». Входные билеты стоили от 30 копеек до 3 рублей⁸. Основной темой была борьба балканских славян за освобождение и роль в этом России⁹. В ответ на запрос охранное отделение сообщило, что Пирогов в 1907 г. прочитал лекцию, которая, вопреки программе, «совершенно не носила научного характера и являлась разбором заслуг и значения писателей..., причем лектор старался главным образом отметить роль этих писателей в освободительном движении»¹⁰. Тем не менее, Пирогов получил разрешение читать лекцию¹¹.

25 августа московский градоначальник разрешил лекцию В. Михайловского «Великая западноевропейская война», в которой подробно рассказывалось о ситуации на Западном фронте, в том

⁵ Чарнолуцкий В.И. Настольная книга по внешкольному образованию: полный систематический сборник законов, циркуляров, разъяснений Сената и справочных сведений. СПб, 1913. С. 401.

⁶ Временное положение о военной цензуре, в связи с действующим Уставом о цензуре и печати. Одесса, 1914. С. 18, 25.

⁷ Здесь и далее даты указаны по Юлианскому календарю.

⁸ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 681. Т. 5. Л. 74, 77.

⁹ Там же. Л. 76.

¹⁰ Там же. Л. 78.

¹¹ Там же. Л. 80, 85.

числе — о возможности осады Парижа германской армией. Градоначальник одобрил программу, предписав приставу I участка Мясницкой части проконтролировать, чтобы собранные пожертвования были отданы Центральному бюро при Московской городской управе¹².

Осенью 1914 г. публичные выступления о войне стали подвергаться более тщательному контролю, причем решение напрямую зависело от «благонадежности» лектора и организатора. Показательна переписка губернской канцелярии с Московским обществом народных университетов (МОНУ). Созданное в 1906 г., оно изначально ориентировалось на просветительскую деятельность и стремилось «в доступной форме, в небольшом количестве лекций, отнимающих у народа не более двух часов в неделю, сообщить некоторое знание, необходимое всякому образованному человеку»¹³. Лекции о причинах, характере и последствиях войны с 1914 г. были включены в программу общества.

Первое прошение МОНУ, обнаруженное в архиве канцелярии губернатора, было направлено 18 сентября 1914 г. На 8 октября в Народном доме Мытищинского вагоностроительного завода общество планировало провести лекцию «Мировая война и международное право»¹⁴. Ее должен был прочитать председатель МОНУ, историк и правовед Б.И. Сыромятников. В 1911 г., в знак протеста против политики министра народного просвещения, он ушел из Московского университета и в дальнейшем преподавал в университете Шаняевского. С началом Первой мировой войны Борис Иванович на страницах печати осуждал германский милитаризм и подчеркивал его неразрывную связь с немецкой культурой¹⁵. В программе лекции он писал, что война «органично спаяла народы земного шара в один великий интернациональный союз государств». Вызвана она была в первую очередь угрозой «международному общежитию, брошенной в лицо миру немецким империализмом, закованным в броню сверхмилитаризма без страха и совести». Немцы «подняли руку на самое ценное завоевание человечества новой эры — мирное международно-правовое общение наций». Европа, заключал лектор, должна была подняться на «великий подвиг борьбы за культуру и ее лучшее достояние — право на мир, братский союз народов»¹⁶.

¹² Там же. Ф. 46. Оп. 4. Д. 445. Л. 1, 3.

¹³ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 826. Л. 57.

¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 556. Т. 1. Л. 200.

¹⁵ См., например: Немецкая культура и немецкое варварство // Русское слово. 1914. 20 декабря.

¹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 556. Т. 1. Л. 201.

Сыромятников высказывался о войне вполне в духе большей части русской печати того времени, хотя в его пассажах о «хищном выступлении немецких династий Гогенцоллернов и Габсбургов» содер­жался скрытый антимо­нархический намек, встречавшийся тогда в либеральной прессе¹⁷. К тому же для властей определяющим фак­тором была политическая позиция и довоенная репутация «оппози­ционного профессора». МОНУ стремилось сгладить это впечатле­ние, подчеркнув в про­шении, что содержание лекции «направлено исключительно в сторону выяснения международных отношений в связи с войной и не касается вопросов внутренних». Отдельно отме­чалось, что собранные во время лекции средства пойдут на помощь раненым и на столовые для детей фронтовиков¹⁸. Тем не менее, в про­ведении лекции было отказано¹⁹. Московское охранное отделение сообщило губернатору, что в декабре 1913 г. Сыромятников читал лекцию в Мытищах по истории России XIX в., в которой «подбором исторических фактов и тенденциозным освещением их, в особенно­сти касаясь условий жизни крестьянского сословия дореформенного времени, старался дискредитировать существовавший в России го­сударственный строй»²⁰.

Для властей МОНУ было «либеральной» организацией, могу­щей использовать лекции самого аполитичного содержания для высказывания «крамольных» идей. Удобным обоснованием отка­за служило военное время. В октябре 1914 г. общество безуспешно пыталось провести лекции И.П. Силинича («Современная война в свете экономических и политических отношений», г. Голутвин), Н.Н. Фатова («Россия и Запад», г. Мытищи), В.П. Волгина («Англия и Германия», московский Политехнический музей) и Г.К. Вебера («Со­временная Германия», г. Мытищи)²¹. В октябре 1914 г. после очеред­ного прошения МОНУ губернатор Н.Л. Муравьев ответил предельно откровенно: «нахожу в настоящее время какие-либо лекции о вой­не несвоевременными и таковые обществу (народных университе­тов. — *И.Б.*)... разрешаться не будут»²². МОНУ не оставляло попыток, однако постоянно наталкивалось на отказы, причем зачастую без

¹⁷ Эту скрытую критику монархии как формы правления заметила и военная цензура. Так, Петроградская военно-цензурная комиссия в сентябре 1914 г. пред­писала цензорам не допускать в печать статьи, «выдвигающие в качестве виновника всех бедствий войны германский династический принцип и требующие замены в Германии монархии республикой». (РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 2. Л. 44 об.).

¹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 556. Т. 1. Л. 200.

¹⁹ Там же. Л. 204.

²⁰ Там же. Л. 229.

²¹ Там же. Л. 210.

²² Там же. Л. 234.

объяснения причин²³. Не пропускались и многие чтения на общенаучные темы, например — лекция Н.В. Воронкова «Вода, ее загрязнение и заразные болезни»²⁴.

Особого внимания удостоивались прошения известных ученых и общественных деятелей из других губерний. Осенью 1914 г. инженер из г. Риги А.И. Крауклис просил разрешить профессору Н.А. Гредескулу прочитать в г. Богородске лекцию «Насилие над миром. Европейская война. Роль в ней России». Лекция ранее уже была прочитана в Петрограде и других городах. Крауклис обещал показать программу богородскому уездному исправнику накануне лекции. Последний позднее докладывал губернатору: «Крауклис — лицо мне совершенно не известное, никто из г. Богородска его для устройства лекций не приглашал. Крауклис своего адреса в Богородске не оставил, а потому место устройства лекций также неизвестно»²⁵. В свою очередь, петроградский градоначальник А.Н. Оболенский в феврале 1915 г. сообщил, что Гредескул «является весьма деятельным членом партии народной свободы и в лекциях своих крайне тенденциозен и старается внушить своим слушателям враждебное отношение к действиям правительства». Градоначальник также заверил, что не получал никаких прошений об устройстве лекции Гредескула в декабре 1913 г. На этом основании лекция не была разрешена²⁶, а с Крауклиса был взыскан гербовый сбор — 2 рубля за 2 марки²⁷.

Ситуация начала меняться в 1915 г. Вероятно, свою роль сыграло обостренное внимание общества к войне, а также необходимость организовывать досуг для раненых и больных воинов. Еще в сентябре 1914 г. священник Серафимовской церкви при женской общине в Новом Кунцево Смирнов и врачи Стенуской лечебницы писали губернатору, что раненые воины в лазаретах «вынуждены бездействовать», и «чтобы отвести душу и не оставаться наедине со своими мыслями, некоторые из них просят книг, но не все они, конечно, подготовлены к самостоятельному чтению». В связи с этим авторы просили разрешить им почитать, особенно «что-либо успокаивающее и ободряющее»: религиозно-нравственные и исторические сочинения «о Суворове, об Отечественной войне, о Севастопольской обороне»²⁸. В другом письме Смирнов просил провести для раненых чтения исторического содержания, в которых описывались бы «при-

²³ Там же. Л. 20, 26, 32.

²⁴ Там же. Л. 33, 36.

²⁵ Там же. Д. 681. Т. 1. Л. 23.

²⁶ Там же. Л. 18.

²⁷ Там же. Л. 21.

²⁸ Там же. Т. 5. Л. 87.

меры мученичества за веру, царя и Отечество, христианской доблести, патриотизма и милосердия»²⁹.

Об устройстве чтений и лекций активно ходатайствовала Московская уездная земская управа. В письме Н.Л. Муравьеву 10 января 1915 г. ее представители отмечали: «Переживаемая в настоящее время Великая война вызвала у населения потребность в получении сведений, которые могли бы выяснить ему смысл происходящих исторических событий и познакомить его со способами и условиями ведения войны, со странами и народами, вовлеченными в войну». Как отмечалось в письме, прекращение продажи спиртных напитков «создало у населения досуг, который представляется целесообразным заполнить теми или иными образовательными мероприятиями»³⁰. В феврале управа повторила предложение, сообщив о настойчивых просьбах населения сел и деревень рассказывать о войне³¹. Для удовлетворения этого спроса ею была выработана особая программа чтений, которые предполагалось проводить «по возможности, во всех поселениях уезда, где имеются земские училища», силами преподавателей и служащих управы³². Список книг и брошюр, рекомендованных для подготовки лекций, состоял из трех разделов: «Современная война, ее правовая и техническая сторона», «Чтения по истории и географии европейских государств» и «Чтения об отдельных исторических событиях и личностях». В последнюю категорию были включены, например, издания о Грюнвальдской битве 1410 г., франко-прусской войне 1870–1871 гг., русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Жанне Д'Арк, президенте США Дж. Вашингтоне. Со стороны управы это была попытка минимизировать вмешательство цензуры, сократить сроки рассмотрения прошений и расширить просветительскую деятельность³³.

Н.Л. Муравьев ответил, что препятствий с его стороны нет, основным условием оставалось предоставление информации о лекторах и местах проведения чтений³⁴. Исправникам были разосланы памятки, чтобы при прошениях указывались брошюры «с точным указанием наименования книги, времени и места издательства, фирмы издательства и фамилии автора или прилагать брошюры в 2-х экземплярах». Если книга входила в каталог изданий, допущенных в библиотеки низших учебных заведений, то достаточно было ука-

²⁹ Там же. Л. 93.

³⁰ Там же. Л. 331.

³¹ Там же. Л. 185.

³² Там же. Л. 331.

³³ Там же. Л. 336.

³⁴ Там же. Л. 334.

зять страницу каталога³⁵. При этом значительной правке подвергся список рекомендованной литературы, составленный управой. «Недопустимыми» были признаны все брошюры о воюющих государствах. В эту категорию попали и популярные издания «для народа», вышедшие задолго до 1914 г., например «Немцы» Ф.Ф. Пуцыковича и «Чехи. Поляки. Русины» Е. Водовозовой³⁶. В «Чтениях об отдельных исторических событиях и личностях» запрещено было использовать сочинения о Яне Гусе, Мартине Лютере и Вильгельме Оранском. Под запретом оказались рассказы «Осада мельницы» Э. Золя, посвященный франко-прусской войне 1870–1871 гг., и «Махмудкины дети» В.И. Немировича-Данченко о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.³⁷ О причинах этих ограничений организаторам лекций не сообщалось, но можно предположить, что эти произведения, по мнению чиновников, показывали союзные народы с неприглядной стороны, могли вызвать у читателей чувство неприязни к войне и сострадание к врагу.

Несогласованность проявилась и в составлении списка изданий для организации чтений. Допустимость изданий к публикации и продаже определял Московский комитет по делам печати. Однако информация о той или иной книге в комитете была далеко не всегда. Издания зачастую отсутствовали даже у организаторов лекций, из-за чего процесс одобрения мероприятий мог сильно затянуться³⁸. В некоторых случаях книги, не допущенные для лекций канцелярией губернатора, Комитет не запрещал и не налагал на них арест³⁹. В марте 1916 г. Московская уездная земская управа просила губернатора пересмотреть вопрос о разрешении народных чтений по брошюрам К.В. Сивкова («Великая европейская война 100 лет назад и теперь») и Н.П. Огановского («Отчего загорелась великая европейская война?»). Их недопущение нарушало «весь план систематических чтений по вопросам, связанным с переживаемыми событиями, каковые чтения признаны желательными г. министром народного просвещения». В основу указанного плана были положены лекции «о происхождении и значении Великой войны, переживаемой Россией» и «о современной войне в техническом, юридическом и экономическом отношениях». Произведения Сивкова и Огановского управа назвала «единственными популярными брошюрами, составленными

³⁵ Там же. Д. 828. Т. 8. Л. 41.

³⁶ Пуцыкович Ф.Ф. Немцы: чтение для народа. СПб., 1904; Водовозова Е.Н. Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. СПб., 1914.

³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 556. Т. 5. Л. 338.

³⁸ Там же. Л. 490, 491.

³⁹ Там же. Л. 496.

ми на эти две темы и удовлетворяющими научным и литературным требованиям», без них возможны лишь «эпизодические чтения по географии и истории государств, участвующих и заинтересованных в Великой войне 1914–1916 гг.»⁴⁰.

Муравьев ответил, что эти брошюры признаны Министерством внутренних дел «нежелательными», а для чтений порекомендовал книги А.Ф. Погосского («Что такое право войны?»), К.К. Суздальцева («Под Красным Крестом»), Н.А. Рубакина («Как люди научились летать и как летают по воздуху?»), С.А. Ульянина («Современный военный флот»)⁴¹. В ответ начальник Сувалкской учебной дирекции Ф.Д. Николайчик, по поручению которого Московская уездная земская управа и планировала лекции, сослался на циркуляр министра просвещения, где было признано необходимым организовать народные чтения по вопросам войны «с целью правильно осветить совершающиеся события, а равно охранить то бодрое, уверенное в себе настроение, какое ныне наблюдается повсюду». Он просил разрешить лекции по указанным брошюрам, которые им уже были «просмотрены и одобрены»⁴². После этого чтения по ним были разрешены при условии заблаговременного сообщения времени лекции уездному исправнику.

Продолжились и запреты лекторам выступать из-за их политических позиций. 2 марта 1915 г. Московская уездная земская управа просила разрешить в помещении Вантеевского земского училища бесплатные лекции М.П. Потемкина «Россия и война» и А.Н. Проппера «По Западной Европе перед войной». Судя по программе, Потемкин предполагал рассказать о борьбе России с Австро-Венгрией и Турцией на Балканах и за выход в Средиземное море. Война, по мнению Потемкина, «есть попытка насильственным путем остановить естественный рост России». Отдельно лектор указывал, что «внешняя борьба с врагами должна сопровождаться напряженной борьбой с экономической и культурной отсталостью России» и отмечал «роль общественной самодеятельности в великой борьбе»⁴³. Лекция была запрещена без объяснения причин⁴⁴. И если о Потемкине известно было немного, то Проппер не раз попадал в сводки охранного отделения. 16 декабря 1914 г. он, «читая лекции на Мытищинских вечерних курсах для рабочих по географии и коснувшись в ней текущей войны..., доказывал рабочим, что виновником таковой является

⁴⁰ Там же. Д. 681. Т. 2. Л. 46.

⁴¹ Там же. Л. 81.

⁴² Там же. Л. 87.

⁴³ Там же. Т. 5. Л. 195.

⁴⁴ Там же. Л. 318.

одна Россия, якобы, давно искавшая удобного случая напасть на Германию, чем вызвал среди рабочих сильное раздумье». На следующий день Проппер читал в университете Шанявского лекцию «Причины войны и участие в ней великих держав», в которой «хотя и старался держаться в рамках дозволенного, но, тем не менее, таковая носила явно социалистическое направление». В связи с этим его участие в чтениях и лекциях было признано нежелательным⁴⁵.

Тем не менее, послабления были очевидны. В 1916 г. МОНУ подало запросы о проведении 9 лекций — столько же, сколько в 1914–1915 гг. Кроме того, отказывали теперь далеко не всем «неблагонадежным» ученым и общественным деятелям. К примеру, в ноябре 1914 г. доктор философии Л.А. Кокушкин просил разрешения организовать серию «патриотических» лекций доктора философии Н.Н. Новикова на тему «Война и культура». Провести их предполагалось в Дмитрове, Сергиевом Посаде, Богородске, Коломне, Подольске, Серпухове. Десятую часть выручки организаторы обещали направить в пользу местных комитетов Всероссийского Земского союза. Петроградское охранное отделение сообщило, что в апреле 1885 г. Новиков был задержан за «произведенный им беспорядок и оскорбление городского», принадлежал к рабочей группе «Народной воли». По двум этим фактам он провел год в заключении, затем был выпущен с запретом проживать в столице. С 1904 г. никаких сведений о нем не поступало. Лекции были разрешены, но земским исправникам было сообщено дополнительно, что лекции устраиваются под личную ответственность Кокушкина, и «с тем, чтобы никаких отклонений от содержания вышеуказанной лекции не было»⁴⁶.

5 февраля 1915 г. в Подольском реальном училище прошла лекция приват-доцента Московского университета А.И. Колмогорова «Мировая война». Лектор подробно остановился на экономических и культурных причинах конфликта, отметив его пагубность для европейской культуры⁴⁷. Московское охранное отделение сообщило, что в 1899 г. Колмогоров участвовал в студенческих забастовках, а в 1911 г. уволился из университета в знак протеста против политики министра народного просвещения. Несмотря на это, лекция была разрешена Н.Л. Муравьевым⁴⁸.

Темы для чтений далеко не всегда были патриотическими и могли затронуть неприглядные стороны войны. Так, в октябре 1914 г. в Павлово-Посадском реальном училище состоялась лекция свя-

⁴⁵ Там же. Л. 319об, 320.

⁴⁶ Там же. Т. 9. Л. 39, 40, 43, 44.

⁴⁷ Там же. Т. 8. Л. 32, 33.

⁴⁸ Там же. Л. 39.

ценника В. Востокова «Смысл личных и общественных страданий при свете Евангелия и истории христианства». В программе, помимо прочего, упоминалась «современная Голгофа (война со всеми ее ужасами)» и обсуждалось, когда «исчезнут ужасы Голгофы и засияет ее красота»⁴⁹. В ноябре 1916 г. Общество благоустройства местности «Лосиноостровская» провело лекцию М.Н. Гернета «Война и преступность». Был поднят вопрос о влиянии войны на «эмоциональную сферу и на мысль», рассмотрен опыт борьбы с преступностью во Франции и Пруссии после 1870 г. Среди причин падения преступности в России лектор назвал призыв под знамена большого количества мужчин, запрет на продажу алкоголя, предрекая при этом рост преступности по окончании войны⁵⁰.

Смягчение позиции властей было вызвано в первую очередь «знакомством» с лекторами. Даже если их прошлое было чем-то «запятнано», одна лекция без отклонения от программы позволяла надеяться, что и следующие прошения будут одобрены. К тому же затягивание войны побуждало правительство использовать лекции для объяснения обществу причин продолжения войны. Одна из самых частых тем лекций так и звучала — «Для чего нужно продолжать войну». В разное время ее читали Н.Л. Бродский, Л.Ю. Кафенгауз, Б.И. Сыромятников, В.Н. Бочкарев, Н.Н. Фатов. И если в 1914 г. лекция на эту тему запрещалась без объяснения причин⁵¹, то в 1915 г. Н.Л. Муравьев допустил ее проведение при условии строго следования программе и проверки военной цензурой⁵².

Власти учитывали и благотворительный характер лекций и публичных чтений. В 1915–1916 гг. они чаще стали платными, но часть вырученных средств шла на помощь больным и раненым воинам, семьям призванных на фронт и другим нуждающимся. Организаторы нередко сопровождали чтения «туманными картинками». Слушателя старались привлечь также известными именами. К примеру, в ноябре 1914 г. председатель Серпуховского шахматного клуба просил разрешить сеанс шахматной игры с участием А.А. Алехина, во время которого знаменитый шахматист рассказал о турнире в Мангейме и о «тяжелом положении задержанных в Германии военнопленных русских шахматистов»⁵³. В их поддержку предполагалось

⁴⁹ Там же. Т. 1. Л. 3, 5, 8.

⁵⁰ Там же. Т. 2. Л. 224, 225.

⁵¹ Там же. Д. 556. Т. 2. Л. 13, 17.

⁵² Там же. Д. 681. Т. 3. Л. 51, 52.

⁵³ Подробнее о турнире в Мангейме и задержанных там шахматистах см.: *Богомолов И.К.* Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле–октябре 1914 г. // *Россия и современный мир.* 2017. № 2. С. 145–146.

провести сбор средств⁵⁴. В ноябре 1914 г. правление Серпуховского потребительского общества получило разрешение организовать лекцию Л.А. Кокушкина и Н.Н. Новикова на тему «Кооперация и война». После лекции планировался танцевальный вечер. Половину сбора предполагалось отправить семьям членов потребительского общества, призванных на войну, остальное — в пользу приюта сирот воинов при Серпуховском Земском попечительстве. В Подольске лекция Кокушкину и Новикову не была разрешена⁵⁵, в отличие от Сергиева Посада, но и там она не состоялась: местный полицмейстер докладывал, что на нее пришло мало слушателей⁵⁶.

Некоторые лекторы были особенно популярны и неизменно собирали полные аудитории. Среди них стоит выделить В.Ф. Пиотровского, организатора Саратовского отделения Русского географического общества. Из документов известно об 11 его лекциях на темы «Мировое хозяйство и Россия», «Бельгия», Англия», «Турция», «Америка и американцы». Основное внимание Пиотровский уделял экономическим последствиям войны, развитию мировой торговли в условиях блокад и ограничений. Одной из самых популярных была лекция «Россия и ее богатства», в которой автор развивал тезис об огромном потенциале страны в развитии экспорта и собственного промышленного производства. Очень востребован был также преподаватель истории Лазаревского института восточных языков А.А. Петров, за 1914–1916 гг. прочитавший в Московской губернии 30 лекций на темы «Война и культура» и «Происхождение и значение Европейской войны». Лектор говорил о повороте Германии «от культуры к дикости», о необходимости защищать культуру «мирными средствами», прежде всего — образованием народа⁵⁷. Часто устраивалось несколько мероприятий с участием Петрова в один день и в разных местах. Так, 6 декабря 1915 г. в полдень он читал лекцию «Война и культура» в с. Жилино Московского уезда, а в 16 часов уже выступал в с. Мячково Бронницкого уезда⁵⁸. На лекции Петрова в с. Кунцево 12 августа 1915 г. присутствовало около 700 человек, преимущественно рабочих и раненых нижних чинов. Полицейский докладывал, что лектор «строго придерживался программы и не придал лекции какой-либо нежелательной окраски»⁵⁹.

⁵⁴ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 681. Т. 9. Л. 21.

⁵⁵ Там же. Л. 31, 34.

⁵⁶ Там же. Л. 68.

⁵⁷ Там же. Д. 826. Л. 42.

⁵⁸ Там же. Д. 828. Т. 2. Л. 20, 21.

⁵⁹ Там же. Д. 681. Т. 5. Л. 424, 427.

Особое внимание было обращено на лекции о военной технике, тактике и стратегии. По поводу программ таких выступлений губернатор нередко консультировался с Московской военно-цензурной комиссией. В марте 1915 г. лекция профессора Московского университета А.В. Цигера «Завоевания науки на службе у современной войны» не была допущена до согласования программы с «военным начальством»⁶⁰. В апреле того же года не были разрешены лекции профессора Московского технического училища А.И. Сидорова («Подводные лодки и их значение в войне») и инженера Л.С. Севастьянова («Техника в современной войне»), поскольку эти темы «близко касаются» вопросов обороны. Впоследствии выступление Сидорова все же было разрешено, но уездному исправнику было наказано, чтобы лектор не выходил за рамки «Перечня сведений и изображений, не подлежащих оглашению и распространению»⁶¹. Отправлялись цензорам и программы лекций на общие темы, например — «Для чего нужно продолжать войну» преподавателя Московской женской гимназии К.Н. Дерюгиной Н.Н. Фатова, предполагавшейся к прочтению в декабре 1915 г. в с. Нахабино⁶². При этом месяцем ранее та же лекция была разрешена в Кунцевском коммерческом училище⁶³.

Запретной темой оказались вражеские и союзные государства. Дважды была запрещена лекция В.Ф. Пиотровского о Бельгии, хотя в ней рассказывалось преимущественно о природе, населении и экономике⁶⁴. Нужно отметить, что военная цензура строго следила за тем, чтобы в прессе не обсуждались недостатки вооружений противника — это могло стать подсказкой, что нужно исправить⁶⁵. Цензорам запрещалось пропускать в печать «какие-либо указания на недостаточную энергию борьбы с врагом наших союзников и вообще порицание их действий»⁶⁶. Это влияло и на содержание публичных выступлений и речей о войне. Так, одобряя программу лекции Н.Н. Новикова «Война и культура», Н.Л. Муравьев просил Кокушкина «вычеркнуть осуждение Англии»⁶⁷. В феврале 1917 г. МОНУ получило разрешение провести лекции в Голутвине о колониальной поли-

⁶⁰ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 84. Д. 681. Т. 9. Л. 81, 88.

⁶¹ Там же. Т. 5. Л. 349, 372, 373.

⁶² Там же. Т. 3. Л. 51.

⁶³ Там же. Т. 5. Л. 507. Пристав 3 стана Московского уезда 30 ноября сообщил губернатору, что лекция, на которую пришло 206 человек, была «строго согласована с программой и прошла при полной тишине... Порядок ничем нарушен не был». Там же. Л. 511.

⁶⁴ Там же. Д. 556. Т. 2. Л. 8.

⁶⁵ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 8об.

⁶⁷ ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 84. Д. 681. Т. 9. Л. 9.

тике Англии и Германии, однако выступление Б.Н. Жаворонкова на тему «Наши союзники» с описанием военной кампании на Западном фронте уже необходимо было согласовывать с военной цензурой⁶⁸.

Другой частой причиной отказа был недостаток информации о мероприятии, а иногда и неявка лектора. Так, на лекцию в Коломне в феврале 1915 г. не пришел упоминавшийся выше Н.Н. Новиков⁶⁹. Член Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников В.П. Быков в ответ на прошение прислать необходимые сведения писал в канцелярию губернатора: «указать точно, когда и в каких именно селениях я буду читать, я сейчас не могу, так как, обслуживая несколько ведомств и в большинстве случаев приезжая по требованию, я обычно стараюсь при каждом своем приезде в тот или другой район обслужить его всесторонне, начиная с церковной проповеди и кончая беседою в местной тюрьме, а потому может случиться, что я укажу определенное место, а попаду в совершенно другое»⁷⁰. А.А. Петров также не всегда мог выдержать плотный график своих выступлений. В декабре 1915 г. он не прибыл на лекцию в Васильевском ссудо-сберегательном обществе. Серпуховский уездный исправник сообщал в Москву, что собравшиеся (около 100 человек), «выражали сожаление и вместе с тем удивились халатности лектора, не известившего о своей неявке»⁷¹.

Всего в период с июля 1914 по февраль 1917 г. были поданы запросы на 130 лекций и чтений на темы, связанные с Первой мировой войной. Цифра невелика, учитывая, например, что в 1910–1911 учебном году в Московской губернии было проведено 922 народных чтения для взрослых, в 1911–1912 гг. — 836⁷². Тем не менее, проведенное исследование показывает, что выделение «лекций о войне» в отдельную тему достаточно условно. Война входила во многие сферы общественной жизни, и неудивительно, что она упоминается в программах многих выступлений о культуре, науке, животноводстве, гигиене и т.д. В это число также входят лекции о различных странах и народах, принимавших участие в войне, и даже (как в случае с Данией) оставшихся нейтральными, но испытывавшими сильное влияние европейского конфликта. Фактор цензуры также имел немаловажное значение. Лекторы «прятали» тему войны в программы и упоминали ее уже в своей речи, в контексте поднимавшихся

⁶⁸ Там же. Д. 759. Л. 36.

⁶⁹ Там же. Д. 681. Т. 9. Л. 41.

⁷⁰ Там же. Т. 2. Л. 142.

⁷¹ Там же. Т. 9. Л. 105, 107.

⁷² *Медынский Е.Н.* Внешкольное образование, его значение, организация и техника. М., 1916. С. 232.

проблем. Такие «отклонения от программы» случались постоянно, несмотря на угрозу запрета дальнейших выступлений.

Нужно также отметить, что контроль со стороны властей серьезно сдерживал развитие лекционных программ. С подозрением относясь к инициативам МОНУ и Московской уездной земской управы, московские губернатор и градоначальник запрещали лекции и чтения порой без объяснения причин. Ситуацию усугубляли и противоречивые решения: одна и та же лекция могла быть разрешена в одном месте, но запрещена в другом. В 1915–1916 гг. произошли некоторые послабления, но ситуацию это не изменило. Проведение важных с пропагандистской точки зрения лекций о войне было фактически отдано на откуп энтузиастам, общественным и благотворительным организациям. Сдерживание этих немногочисленных инициатив способствовало распространению слухов о якобы катастрофе на фронте и предательстве «верхов», во многом определивших эмоциональный фон российского общества накануне революции 1917 г.

References

Agafonova Ya. *Klassika dlya naroda v adaptatsiyakh Postoyannoy komissii po ustroystvu narodnykh chteniy* [Classics for the People in Adaptations of the Standing Committee for the Arrangement of People's Readings] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2019. N 2 (156). P. 77–93.

Bogomolov I.K. *Russkiye poddannyye v Avstro-Vengrii i Germanii v iyule-oktyabre 1914 g.* [Russian Subjects in Austria-Hungary and Germany in July–October 1914] // *Rossiya i sovremennyy mir*. 2017. N 2. P. 143–160.

Fando R.A. *Universitet im. A.L. Shanyavskogo na fone smeny epoch* [A.L. Shanyavsky University against the Background of Changing Epochs]. Moscow: Akvarel', 2018. 324 p.

Levchenko O.Yu. *Narodnyye chteniya kak forma vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Public Readings as a Form of Extracurricular Education in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Professional'noye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom*. 2019. N 4 (36). P. 185–190.

Rushanin V.Ya. *Narodnyye chteniya na Urale v kontse XIX — nachale XX v.* [Public Readings in the Urals in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 2011. N 3 (27). P. 90–94.

Semenova E.Yu. *Lektsii i narodnyye chteniya v informatsionnom prostranstve povolzhskogo goroda v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 — nachalo 1918 g.)* [Lectures and Public Readings in the Information Space of a Volga Town during World War I (1914 — Early 1918)] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 2012. N 3. P. 38–44.

Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya 1917 g. v sud'bach stran i narodov mira: sbornik nauchnykh statey [The Great Russian Revolution of 1917 and Its Impact on Countries and Peoples of the World: A Collection of Scholarly Articles] / Ed. by L.I. Gallyamova. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2018. 410 p.

Поступила в редакцию
4 октября 2021 г.